

Гу Синьжань снова увидела тот сон.

Во сне девушка, бледная как бумага, сидела на краю кровати в спальне, сжимая в руке осколок белого фарфора, отливающий ледяным блеском. Она медленно поднесла его к своему левому запястью.

Острый край вонзился в кожу, и алая кровь мгновенно хлынула, стекая по запястью.

Она спокойно лежала на кровати, обнимая правой рукой только что законченное новое платье. На её губах играла улыбка, и она смиренно ждала прихода смерти.

Гу Синьжань бесчисленное количество раз пыталась спасти её, но между ними словно была невидимая стена. Она могла лишь беспомощно смотреть, как её лицо становится всё бледнее, как белоснежные простыни окрашиваются её горячей кровью, как на полу постепенно накапливается лужа крови, как её рука свисает с кровати, как дыхание и сердцебиение замирают.

Она ничего не могла сделать.

В том году ей было двадцать восемь, а Илань — тридцать.

...

Сразу после потери Илань она попыталась утопиться, но её спасли. Проведя в одиночестве в горах семь или восемь дней, она была при смерти, но её нашли проходящие туристы. Позже она подумала, что, возможно, Илань не хотела, чтобы она пришла к ней, и хотела, чтобы она жила, потому и дважды чудом спаслась.

Так она поселилась уединённо на горе Кэ-Ма, вдали от шума и суеты, охраняя символическую могилу Илань. На вершине она разбила цветник с её любимыми зимними орхидеями.

Зимние орхидеи растут только в холоде. В зимние месяцы, когда в чужих домах горит свет и семьи собираются праздновать Новый год, она одна была в цветнике, подрезая ветки и расчищая снег. Её нежные руки мерзли, краснели, синели, покрывались мозолями.

Летом, когда другие прятались от солнца под кондиционерами, она носила корзины с землёй с подножия на гору. Её прямая осанка согнулась, фарфоровая кожа стала тёмной и грубой. Шея сгорела, плечи обвисли, оставив глубокие следы.

Когда её деревянный домик сгорел от удара молнии, все радовались, что её там не было, но она как безумная бросилась в огонь. Её вытащили с тяжёлыми ожогами, но в руке она всё ещё сжимала лоскут ткани.

На прекрасном лице остался шрам величиной с ладонь, а чистый голос стал хриплым. Всё это она приняла молча.

Но когда она увидела, что платье, оставленное Илань, сгорело, превратившись в лоскут, она упала перед могилой и зарыдала, прижимая этот лоскут к себе. Но он не держался. Платье Илань исчезло. Она ни разу его не надела и больше никогда не наденет. Как и её Илань никогда не вернётся.

Она была вынуждена и, наконец, приняла эту реальность.

Её Илань навсегда покинула её.

В том году ей было тридцать три, а Илань — тридцать.

...

— Доктор, правда, нет никакого способа?

— То, что её тело продержалось до сих пор, уже чудо. Родным стоит подготовиться.

В ушах раздался тихий плач. Гу Синьжань с трудом приоткрыла веки, разглядывая размытые силуэты.

Фан И, Су Юй, Лу Цин... Линь Юйцин — она с трудом различала их. Все её лучшие друзья пришли провести её.

И Сяо Е, её дочь, дочь её и Илань.

Она была так похожа на Илань, что Гу Синьжань боялась смотреть на неё.

Боковым зрением она заметила фигуру рядом с Сяо Е. Женщина в белом платье смотрела на неё, тихо улыбаясь и держа в руках новое платье.

Гу Синьжань медленно открыла глаза шире.

— Илань...

— Что она говорит? — спросил кто-то.

— Илань, — ответил кто-то.

— Ма... мамочка... — Сяо Е опустилась на колени у кровати, прижимая её руку к своему лицу.

Она улыбнулась, растягивая губы, и затем улыбка застыла.

В тот день ей было шестьдесят восемь, а Илань — тридцать.

Она одиноко дошла до конца жизни, охраняя могилу Илань целых сорок лет, 14 600 дней. Каждый день она мучилась, но ни на мгновение не отказывалась от любви в своём сердце.

...

Голоса людей постепенно удалились, а фигура Илань стала чётче.

Гу Синьжань встала и подошла к ней, удивляясь тому, насколько лёгким стало её тело. Ожоги на руках исчезли, как и на лице! Волосы стали чёрными, зрение ясным, слух хорошим, спина выпрямилась, и болезни исчезли! Она тоже была в белом платье, кожа белая как снег, словно она вернулась в самый красивый момент, в день встречи с Илань.

Она медленно подошла, дрожащими руками взяла Илань за руку, поддерживая запястья, словно держала драгоценность.

На запястье был виден порез, ужасный и чёткий.

Гу Синьжань подавила рыдания в горле, и горячие слёзы потекли ручьём.

После смерти Илань она узнала, что, когда её не было дома, толпа бунтовщиков бросала кирпичи, била окна, лила чернила, каждую ночь стучала в дверь, не давая покоя. Иногда ночью, только уснув, она слышала стук, пряталась под кроватью, дрожа, и обнимала ребёнка, говоря не бояться, что мама здесь.

Она выходила в чистом белом платье, но возвращалась, вся в грязи, в жалком виде. В итоге она боялась выходить из дома, видеть людей, а потом даже боялась выходить из комнаты.

Она никогда никому не вредила, но все отвечали ей злобой, глубоко раня!

Стоило подумать, что её сокровище, которое она берегла в руках и держала на кончике сердца, было так грубо попрано другими, сердце Синьжань сжималось от боли, словно его резали тупым ножом.

Она была готова разрыдаться, но Илань лишь мягко улыбалась, спокойная и прекрасная.

Гу Синьжань хотела обнять её, сделав два шага, но сзади почувствовала мощную силу притяжения! Глядя на Илань, бывшую так близко, она боролась, но не могла победить эту силу. Она могла лишь смотреть, как пейзаж рядом быстро отдаляется, а она сама становится всё дальше от всех.

Это и есть смерть?

...

Очнувшись, она услышала знакомый запах дезинфицирующего средства. Слегка пошевелив пальцами, она удивилась, обнаружив, что может двигаться.

Медленно открыв глаза, она увидела палату, точно такую же, как та, в которой умерла. Даже корзина с фруктами на столе не изменилась. Единственное отличие — друзья, окружавшие её, исчезли. Палата была пустой и одинокой.

Гу Синьжань успокоилась, нахмутив брови. Не... не умерла? Но что-то казалось странным.

Оцепенела на полминуты, потом вдруг проснулась, положила левую руку на грудь и явно почувствовала сильное сердцебиение!

Она явно чувствовала, как сердце останавливается, врачи уже отказались от реанимации, но теперь она жива?

Думая об этом, она услышала открытие двери, обернулась и снова замерла.

Вошла женщина около тридцати лет, в чёрном деловом костюме, с собранными волосами, очень энергичная.

Она внимательно смотрела на лицо, уверенная, что никогда не видела этого человека, но в голове странно возникло имя.

— Цюй Ци?

— Проснулась? Проснулась — скорее вставай и иди извиняться перед Ло Бин.

И... извиняться?

???

Цюй Ци села на стул, недовольная.

— Гу Синьжань, тебе уже двадцать четыре, думаешь ли ты головой, когда делаешь что-то?

Два... двадцать четыре?

— Ты думаешь, ты всё ещё та популярная идол, топовая звезда? Проснись, посмотри на себя: актриса из тебя никакая, поёшь ты фальшиво, даже на шоу умеешь подраться. Ты вообще хочешь оставаться в кругу? Не то что в кругу, тебя даже в компании почти не держат, знаешь?

Видя замешательство Гу Синьжань, Цюй Ци разозлилась ещё больше.

— Держи, посмотри на себя, неудачница написана у тебя на лице! — Цюй Ци достала из сумки маленькое зеркальце, подержала перед ней, пару раз тряхнула и бросила в неё.

Гу Синьжань моргнула, сглотнула и смутно осознала, что, кажется...

Взяв зеркало, она посмотрела и подтвердила догадки!

<http://bllate.org/book/16851/1550707>